

А. И. Романчук, А. Н. Щеглов

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Использование археологических материалов для изучения отдельных аспектов истории Византии является давней традицией отечественного византиноведения. В значительной мере способствовало этому создание русского Археологического института в Константинополе. Одним из блестящих примеров привлечения данных раскопок стали в те годы работы К. Шкорпила в Плиске¹. Многие византийские города унаследовали территорию античных, поэтому интерес к античным памятникам, более ранний по сравнению со становлением византийской археологии, неминуемо приводил к выявлению средневековых построек, в большинстве случаев скрывавших под собой античные комплексы. Это обстоятельство имело некоторые отрицательные последствия, на что обратил внимание Хр. Бурас, подводя итоги исследования византийских памятников на Балканском полуострове и в Малой Азии. Он отметил, что "рвение археологов-античников достичь более важных для них нижних слоев уничтожило средневековые уровни"².

Существует и другая причина, которая в известной мере сдерживала развитие византийской археологии. То обстоятельство, что руины некоторых общественных построек, например, оборонительных стен и храмов являются обозримыми и в наши дни, приводит к описанию их без должного историко-археологического исследования. Некоторые же церковные комплексы, будучи возведенными византийскую эпоху, использовались по назначению вплоть до нового времени. Это делало возможным архитектурно-искусствоведческий анализ такой постройки, но не ее планомерное археологическое изучение. Таким образом, впервые достаточно крупные работы по византийской археологии были посвящены фортификационным сооружениям или культовой архитектуре, реже другим видам городских построек, что не позволяло получить должного представления о развитии застройки территории византийских городов, сдерживало возможности по выявлению особенностей материальной культуры различных общественных групп населения Византийского государства. Другими словами, длительное время в стороне от внимания исследователей оставались городские и сельские усадьбы, структура и планировка поселений. Вместе с тем имеются достаточно ранние примеры комплексного подхода к изучению особенностей архитектурного облика городов и их истории. Это раскопки в Мистре и исследование комплекса Большого дворца в Константинополе. Однако такие примеры не многочисленны, а полученные в процессе раскопок чрезвычайно интересные археологические материалы не

© А.И. Романчук, А.Н. Щеглов, 1998

¹ См.: ИРАИК. 1905. Т. 10.

² Bouras Ch. *City and Village: Urban Design and Architecture* // JÖB. 1981. Bd. 31/2. P. 613.

являются характерными для рядовых византийских городов. Как показатель малочисленности отдельных групп археологических источников для изучения истории византийского города можно привести фундаментальную работу К. Манго, в которой практически отсутствуют разделы, посвященные топографии поселений, описанию типичных городских домов³. Только в последние годы положение в накоплении массовых археологических источников стало постепенно изменяться благодаря раскопкам византийских центров, расположенных на Малоазийском побережье. Это обстоятельство не могло не привести к поиску собственной стратегии и методики археологами-византинистами, обсуждению вопросов интерпретационного подхода к археологическому источнику⁴. В данной связи прежде всего необходимо отметить, что в античной и византийской археологии одной из важнейших проблем является теория культурного слоя. Без ее разработки невозможно объяснение и интерпретация археологических материалов как полноценного источника для реконструкции особенностей исторических процессов в древности. Между тем работы, специально посвященные этой теме, практически отсутствуют. Как правило, в исследованиях по античности и византиноведению, особенно обобщающих, археологические материалы используются не как особый класс источников, а в качестве иллюстративного, подчиненного объяснению выводов, основанных на нарративных источниках. В качестве примера непонимания особенностей и возможностей археологического источника может послужить представленная в русском переводе статья А. М. Снодграсса⁵. Вместе с тем автор ее совершенно справедливо отметил необходимость содружества тех, кто работает прежде всего с материальными памятниками, с теми, кто приближается к пониманию реалий действительности через призму анализа информации, заложенной в письменных источниках. Однако, с одной стороны, историки достаточно часто используют данные раскопок как иллюстрацию к своим заключениям, с другой стороны, археологи, как правило, не имея точных дат, пытаются объяснить то или иное археологическое явление политическими событиями, оставившими свой след в письменной традиции.

Можно проследить влияние письменных источников на интерпретацию археологического материала для многих византийских центров. Рассмотрим это на примере Херсонеса. Во время раскопок северного района городища были выявлены слои разрушения с материалами X—XI вв., образование которых на основании данных письменных источников было объяснено следующим образом: "Длительная осада Херсонеса, по существу русско-византийская война, не могли, конечно, пройти бесследно для города. Как показали раскопки, в конце X в. или на рубеже X и XI вв. город горел. Слой пожарища очень ясно датируется множеством монет IX и X вв. и массовой керамикой"⁶. В слое пожара были также встречены монеты Василия II (976—1025). Находки их объяснялись следующим образом: "Монеты резко обрываются на времени Василия II. Однако вынести дату пожарища за пределы X в. невозможно, ибо для следующего столетия мы не знаем ни одного сколько-нибудь крупного события, с которым такое пожарище можно было бы связать"⁷.

³ Mango C. *Byzantinische Architektur*. Stuttgart, 1975.

⁴ Roser J. H. A. *Reserch Strategy for Byzantine Archaeology* // BSt. 1979. Т. 6. P. 152—166.

⁵ Снодграсс А. М. *История Греции в свете археологии* // ВДИ. 1992. № 2. С. 32—40.

⁶ Якобсон А. Л. *Раннесредневековый Херсонес* // МИА. 1959. № 63. С. 65.

⁷ Якобсон А. Л. *Средневековый Херсонес: XII—IV вв.* // МИА. 1950. № 17. С. 14.

На подобном интерпретационном подходе сказывается стремление "увязать" показания двух, существенно отличающихся друг от друга видов источников, в процессе такой "увязки" не учитывается то, что археологические источники не дают представления о ходе и о конкретном времени каких-либо событий, они отражают только их результат. Безусловно, для любого исследователя, работающего с археологическим материалом, является желательным связать данные раскопок со свидетельствами письменных источников. Однако в таком случае возникает опасность создания порочного круга, в котором теория, "начавшаяся как предположение, приобретает статус исторического факта, наделенная ложным авторитетом эта теория служит для того, чтобы объяснить какие-то археологические явления"⁸.

Итак, одной из центральных проблем в использовании археологических материалов в исторических штудиях является вопрос их интерпретации, что связано с выявлением причин и особенностей формирования культурного слоя. Относясь к совершенно особому классу источников, археологические данные в то же время требуют источникового анализа, в процессе которого следует уделять внимание такому аспекту, как причина обилия археологического материала либо его малочисленность или отсутствие для какого-либо периода истории поселенческих структур. Иными словами, следует решать вопрос о причине "умолчания источника". Однако в исторических штудиях последний аспект практически не обсуждается, а из факта малочисленности или отсутствия находок чаще всего делается вывод о кризисе или упадке, а в некоторых случаях даже перерывах в жизнедеятельности на поселении. Особенно последовательно "факт умолчания источника" используется для объяснения особенностей развития византийского города в переходный период — в период "темных веков". В частности, говоря о Херсонесе ранневизантийского времени, А. Л. Якобсон отмечает: "о резком упадке города в VIII — первой половине IX в. косвенно свидетельствует и то, что ярко выраженный культурный слой этого времени на городище, по видимому, вообще отсутствует, по крайней мере до сих пор выявить его не удалось"⁹.

Другой существенной причиной малочисленности археологических данных является последовательное разрушение более ранних комплексов в последующие хронологические периоды. В данном плане чрезвычайно показательны замечания в отчетах о раскопках в Херсонесе. Так, публикуя итоги раскопок северного района, исследователи неоднократно отмечали, что "полная картина стратиграфии средневековых слоев редко наблюдается из-за разрушений"¹⁰, что раннесредневековые остатки малочисленны, так как "они подвергались разрушению при строительных работах последующего времени"¹¹. Все это привело к тому, что "находки ранневизантийской керамики крайне слабо изучены. Это обстоятельство являлось тормозом для выявления ранневизантийского слоя Херсонесского городища"¹².

⁸ *Russell J. Transformations of Archaeological Evidence // The 17th International Byzantine Congress (Major Papers). Washington, 1986. P. 140.*

⁹ *Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 35.*

¹⁰ *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII: раскопки 1941, 1947, 1948 гг. // МИА. 1953. № 34. С. 204.*

¹¹ *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Кварталы XV и XVI: раскопки 1937 г. // МИА. 1953 № 34. С. 90.*

¹² *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII... С. 213.*

Субъективной причиной малочисленности археологических источников для некоторых византийских городов является выбор объектов раскопок, прежде всего наиболее представительных архитектурных комплексов — оборонительных стен, культовых построек. Однако наиболее существенное влияние на интерпретационный подход к археологическому материалу оказывает то, что вне поля зрения остаются особенности формирования культурного слоя.

В археологической практике мы всегда имеем дело либо с мощным культурным слоем, в котором содержатся представительные строительные остатки с огромным количеством разнородного материала, определенным образом датированного, либо с полным отсутствием слоя для длительного времени, либо с маломощными слоями с невыразительным материалом и отсутствием в нем строительных комплексов. Логика исследователя естественным образом подсказывает, что если нет культурного слоя или же встречаются только единичные находки (а не статистически массовый материал), то, как правило, должен следовать вывод о стагнации или, более того, о прекращении жизнедеятельности на данном поселении (подобный пример из истории Херсона уже приводился выше).

Обращение к теории культурного слоя, разработанной для античной археологии, показывает, что культурные напластования образуются в течение сравнительно короткого срока, когда разрушались постройки. Немногим больший отрезок времени отражает накопление материала как результата нового строительства. Быстрая смена культурных напластований является результатом быстрого обветшания и разрушения небрежно сооруженных жилых построек. Достаточно яркую картину этого дали раскопки на северо-восточном склоне горы Митридат, где в течение кратковременного периода — середина VI — начало V в. до н.э. — отложилось восемь пластов, возникших в результате ремонта непрочных по конструкции небольших построек¹³. Таким образом, наличие быстро сменявшихся «друг друга слоев является показателем огрубления технических приемов строительства, вероятно, связанных со значительной экономической депрессией, иногда даже с "увяданием" данного населенного пункта"»¹⁴.

Для античного города выявлены три причины формирования слоя: а) сооружение постройки, б) бытование ее, в) разрушение. В ходе археологических раскопок, как правило, выявляются слои, образовавшиеся в процессе строительства или гибели постройки, но не те, которые возникли в процессе ее функционирования¹⁵.

Подтверждает ли археологическая ситуация, стратиграфия Херсонесского городища выводы В. Д. Блаватского о специфике образования культурного слоя? В данном случае нет необходимости останавливаться на том, что представлял Херсон в тот или иной период развития, однако, чрезвычайно важными являются свидетельства нарративных источников о жизнедеятельности данного центра, сколько бы ни мала была заложенная в источнике информация.

¹³ Блаватский В. Д. Об имущественном положении боспорцев в VI—II вв. до н.э. // Античная археология и история. М., 1985. С. 60.

¹⁴ Блаватский В. Д. Античная полевая археология // МИА. 1967. № 146. С. 196.

¹⁵ Там же. С. 43—44.

Для ранневизантийского времени мы знаем о ссылке в Херсон папы Мартина (середина VII в.)¹⁶, конец VII — начало VIII в. отражены в письменной традиции, как период ссылки Юстиниана II и его борьбы с херсонитами. В 775 г. после неудачного заговора против Льва IV отправлены в изгнание в Херсон его братья Никифор и Христофор. Существует нелицеприятная характеристика жителей города как народа, тугого на "истинную веру", монаха Епифания для конца VIII — начала IX в. Далее, история Херсона начала IX в. отражена в сочинениях Константина Багрянородного в связи с образованием фемы, который рисует также картину торговых связей города с варварским миром и центрами Южного Причерноморья для X в. Как пограничный город назван Херсон в письме Анастасия Библиотекаря, написанного в связи с открытием здесь мощей Климента Константином Философом. Для конца IX в. известно восстание жителей Херсона, умиротворивших стратига Симеона (892 г.). В X в. Херсон упоминается в письмах Николая Мистика, русских летописях, отражающих русско-византийские отношения, в частности связанные с Корсунским походом князя Владимира. Для XI—XIV вв. свидетельства источников немногочисленны, но они также позволяют судить о значительной роли Херсона в истории Восточной Европы и Византии. Прежде всего это восстание Георгия Цулы в 1016 г. Под 1065 г. помещают источники сообщение об отравлении херсонским катепаном тмутараканского князя Ростислава. Анна Комнина писала о ссылке в Херсон Лже-Диогена в 1092 г. В "Аланском послании" епископа Феодора говорится о восстании херсонитов в 1240 г. Для XIV в. некоторые стороны херсонской истории освещены в Актах патриархата и у Никифора Григоры.

Этот список, безусловно, можно сделать полнее, но и в таком виде он свидетельствует о том, что на протяжении всего средневекового периода Херсон являлся одним из центров византийской политики, использовался правительством как место ссылки, в некоторые годы имел достаточно существенный торговый потенциал.

Как же отразилась история Херсонеса в стратиграфии городища? Подтверждает ли археологическая ситуация, отраженная в отчетах и раскопках, выводы В. Д. Блаватского о специфике образования культурного слоя?

В отчете за 1935 г. для периода V—X вв. выделено: строительство базилики в VI в. и слой ее разрушения, датированный X в. Следующий период представлен часовней (сооруженной в центральном нефе храма), которая относится к XII—XIII вв. Для VII—IX вв. выделены только отдельные находки, в том числе и византийские монеты VII—VIII вв., присутствовавшие в слое разрушения, перекрывшем руины базилики¹⁷.

В 1936 г. исследовался участок к востоку от базилики 1935 г. Открытая здесь ситуация близка к описанной выше. Так, в VI в. был засыпан колодец, как полагает автор отчета, перед строительством базилики. Концом X в. или рубежом X—XI вв. датируется слой разрушений, к XII в. относится строительство жилых комплексов. В ходе этого строительства материалы более ранних зданий были выбраны и использованы для новых сооружений¹⁸.

¹⁶ Приводимые ниже события из истории Херсона неоднократно упоминались в литературе и хорошо известны, поэтому в данном случае нет необходимости отсылать читателя к источникам и увеличивать библиографию настоящей работы.

¹⁷ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсоне за 1935—36 гг. Симферополь, 1938. С. 80, 113, 124, 130—131.

¹⁸ Там же. С. 272, 285—286.

Можно взять и более поздние отчеты раскопок северного района городища. Например, отчет за 1940 г. о квартале XVII, где отмечено, что остатки построек VI—X вв. были выбраны в процессе более позднего строительства или использованы в качестве фундаментов зданий XIII в.¹⁹ Для VI—IX вв. прослежено только два уровня полов помещения, план которого выявить не удалось. Авторы отчета отмечали, что "оба пола выражены прослойками угля и золы, образовавшимися, вероятно, от пожара построек, и скоплением керамики". Верхний пол датируется керамикой IX—X вв., лежащий ниже образовался в результате нивелировки, произведенной перед строительством, для него характерен более ранний материал²⁰.

Подобные примеры можно было бы продолжить, используя данные рукописных отчетов Г. Д. Белова, производившего в течение почти сорока лет раскопки в северном районе Херсонесского городища. Близкую картину дают раскопки в портовом районе, для которого наиболее четко отразилась картина разрушений поздневизантийского времени²¹.

Итак, насколько сочетаются данные письменных источников, которые в той или иной степени свидетельствуют о непрерывности жизни в Херсоне, с материалами археологических раскопок? Если учитывать только последние, не принимая во внимание времени функционирования той или иной постройки, в частности базилик с VI до IX—XII вв., если считать, что массовый археологический материал является свидетельством активной жизнедеятельности на поселении, то оказывается, что представление о таковой мы получаем в основном из слоев разрушения, реже — из слоев строительства. Правда, необходимо учитывать, что находки в слоях разрушения следует датировать как временем образования этого слоя, так и некоторым периодом до попадания их в слой. Это, безусловно, не может дать полной картины развития поселенческих структур. Таким образом, если не выявлены последовательно сменявшие друг друга, хронологически близкие слои разрушений и строительства, то мы имеем дело со значительными лакунами, которые только отчасти заполняются отдельными находками, случайно попавшими в нивелировочную засыпь или же пережившими постройку и оказавшимися в слое разрушения, который датируется более поздним временем.

Стратиграфия Херсонесского городища, которая открыта раскопками, производившимися здесь на протяжении более 150 лет, в целом подтверждает выводы В. Д. Блаватского для византийской археологии и свидетельствует о том, что обычная жизнедеятельность на поселенческих структурах, существовавших в древности в Черноморско-Средиземноморском бассейне, не отражена в их стратиграфии, а отсутствие или малочисленность археологических источников для какого-то периода не могут быть однозначно восприняты как показатель упадка или кризиса поселения... Привлечение данных археологии, как и письменных источников, должно покоиться на источниковом анализе, одним из аспектов которого является выявление причин появления источника и его классификационных особенностей.

¹⁹ Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII: раскопки 1940 г. // МИА. 1953. № 34. С. 123.

²⁰ Там же. С. 124.

²¹ Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963—1964 гг. // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 7—52.